

ТЕГЕРАН НЕ ОТМЕНИЛ ФАТВУ

Писатель Салман Рушди все еще обречен на затворничество

Владимир Катин

ДЕВЯТЬ лет назад, в феврале 1989 г. религиозный вождь иранских исламистов Хомейни самолично вынес фатву — смертный приговор писателю Салману Рушди за его «Сатанинские стихи» — оригинальное художественное переосмысление ислама.

«Смертник» Рушди живет затворником, прячется на конспиративных квартирах, его постоянно охраняет полиция. Между прочим, за эти минувшие годы в разных странах было убито несколько переводчиков и издателей неугодной исламистам книги, что свидетельствует о пристальном внимании Тегерана ко всем, кто к ней причастен.

Комиссия ЕС в лице ее председателя и высокопоставленных лиц, Европарламент, правительства многих стран мира в той или иной форме обращались к религиозным руководителям Ирана с просьбами образумиться и отменить жестокий приговор, который выглядит дико в наш век. Тщетно. Буквально на днях генеральный прокурор Ирана Мортеза Могадай подтвердил, что «нечестивец должен понести заслуженное наказание и фатва должна быть в конце концов приведена в исполнение».

Более того, глава экстремистской фракции Хассан Санней, уже пообещавший ранее 2,5 млн. долл. тому, кто «прикончит» Рушди, заявил, что сумма будет значительно увеличена.

Последний раз я встречался с

Салманом Рушди два года назад в Страсбурге, куда он прибыл с большими предосторожностями и усиленной охраной, для того чтобы вновь привлечь внимание депутатов Европейского парламента к своей трагедии. Писатель выступил тогда с трибуны парламента, призвав страны Европейского союза к экономическому бойкоту Ирана, как единственному эффективному способу повлиять на режим.

«Однако все мои обращения на этот счет остаются гласом вопиющего в пустыне, — грустно говорил мне усталый, подавленный Рушди. — Своя рубашка ближе к телу, свои интересы, а тем более финансовые, торговые превыше судьбы приговоренного писателя... Еврокомиссия ограничивается вежливыми периодическими напоминаниями Ирану, что, мол,

надо бы отменить фатву, но с режимом фанатиков следует разговаривать по-иному, иначе все впустую. Жизнь, которая проходит взаперти, скрытно, — это сущее мучение. Тем более для литератора, которому требуется постоянное общение, поездки, выступления. Те редкие передвижения под охраной, которые мне иногда удаются, тоже сопряжены с массой проблем. Например, авиакомпании отказывают мне в продаже авиабилета — в целях перестраховки, опасаясь, что самолет взорвут вместе со мной. Помнится, в Вене я как-то раз сбежал от своих неусыпных телохранителей и на свой страх и риск несколько часов бродил по городу — какое же это счастье чувствовать себя свободным, таким, как все!»

Люксембург

Независимая газета. — 1998. — 19 февр. — с. 6